

НОВЫЙ БИЗНЕС

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
О ТОМ, КАК МОЖНО
ЗАРАБАТЫВАТЬ ДЕНЬГИ
В РОССИИ

НЕ ОСТАВЛЯЯ СЛЕДОВ

Изготовление нановолокон для фильтрации, из которых производятся медицинские маски и халаты, фильтры для различных аэрозолей, стало делом компании ЭФТЭК.

ФЕРМА С ГУСЯМИ

В рамках проекта NewKolhoz человек приобретает птицу, то есть автоматически становится участником коллективного хозяйства. Проект решает и сельские проблемы, и проблемы конкретного фермера.

КОВЕР-КАЛЬКУЛЯТОР

В мире около полутора миллиардов мусульман. Эльдар Клычев выявил проблему, с которой сталкивается каждый из них, и решил создать молитвенный коврик с подсчетом ракаутов.

ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ ПРОЕКТА
«НОВЫЙ БИЗНЕС»:
<http://expert.ru>

ЛЮДИ НОМЕРА

МИХАИЛ ЕРШОВ

С 2000 года рост цен в России примерно в десять раз отстал от роста денег. Если мы сделаем поправку на нашу немонетарную инфляцию, отрыв будет вдвадцать раз. Это значит, что при двухкратном увеличении денег цены должны вырасти на пять процентов. Эластичность сверхнизкая. У нашей экономики очень мощный запас приема денег на безинфляционной основе по причине, унаследованной из прошлого, когда наша монетизация была одной из самых низких в мире.

26

ИГОРЬ ОСТРОВСКИЙ

В прошлый кризис спрос на консалтинговые услуги снижался. Это был один из первых кандидатов на срезание костей. А в этот кризис ситуация противоположная — спрос вырос. Люди понимают, что именно сейчас они должны повысить эффективность своего бизнеса. Сейчас предъявляют спрос сильные компании, которые хотят стать еще сильнее.

30

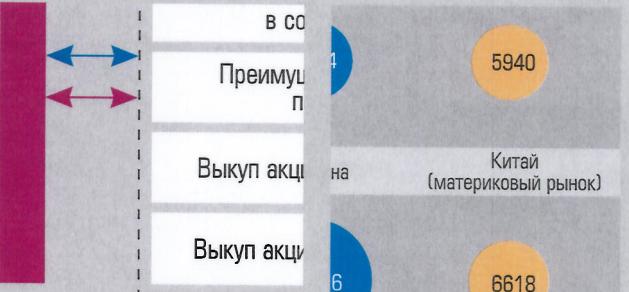

БОРИС БЕРЕЗОВСКИЙ

Я могу впасть в транс от музыки Бетховена, но также могу впасть в транс, слушая индийскую музыку. Фольклор раздвинул для меня музыкальные горизонты. Я могу с утра слушать какие-нибудь южноафриканские группы и получать намного больше удовольствия, нежели внимая в очередной раз какой-нибудь симфонии Бетховена. Хотят того академики или нет, но мир гораздо шире, чем их представления о музыке.

60

ПРОГНОЗЫ НОМЕРА

Аналитики в один голос говорят, что уже через три года Tele2 сможет занять до 20% столичного рынка. Экспансия нового игрока не может не радовать абонентов, которые получат реальный шанс существенно — до 25% — сэкономить на мобильной связи.

В июле 2016 года вступят в силу новые правила осуществления открытых акционерными обществами своих корпоративных действий: при проведении голосований акционеров и выкупе бумаг обязательными станут электронные технологии. Эта новация должна активизировать поведение миноритариев.

В будущем нельзя исключать задачу сопоставки финансовых рынков России и Китая с попыткой догнать по объемам долговой рынок зоны евро. Ближайший необходимый шаг — формирование эталонного форвардного курса юань — рубль. Для этого нужны эталонные эмиссии облигаций в юанях на российском рынке и зеркальные размещения рублевых бондов в Китае.

40

51

48

Дмитрий Яковенко

Рецепты Кейнса, Гэлбрейта и Фридмана — в нашу жизнь!

Как ни стараются власти успокаивать общественность, обеспокоенную состоянием дел в российской экономике, общественность продолжает волноваться и требовать нормальной денежной политики и низких налогов

На прошлой неделе состоялось сразу несколько мероприятий, где были предприняты попытки сформировать такую экономическую повестку дня, которая позволит выйти из рецессии: круглый стол «Крупнейшие компании России «Эксперт-400», проведенный Либеральной платформой партии «Единая Россия» совместно с медиахолдингом «Эксперт», и заседание Столыпинского клуба. На обоих мероприятиях были выдвинуты схожие идеи: расширение денежного предложения, налоговая реформа — и даже схожие методы. Однако будут ли когда-нибудь реализованы эти идеи, по-прежнему остается вопросом: экономические власти сегодня идеологически еще слишком далеки от стандартных и не очень рецептов экономического роста.

По итогам заседания Либеральной платформы можно сформулировать две ключевые проблемы. Во-первых, участники дискуссии кардинально расходятся в оценках перспектив завершения теку-

щего кризиса с ключевыми фигурами правительства. По мнению экспертов, выступавших на форуме, кризис еще далек от завершения и даже от своего пика. В то же время председатель Федерального совета «Деловой России» Антон Данилов-Данильян упомянул, что некоторое время назад на совещании у первого вице-премьера Игоря Шувалова представителям Минпромторга пришлось приложить поистине титанические усилия, чтобы не допустить сворачивания программ поддержки отечественного бизнеса, так как большинство участников совещания полагало, что кризис пошел на спад и предприниматели больше не нуждаются в серезной помощи.

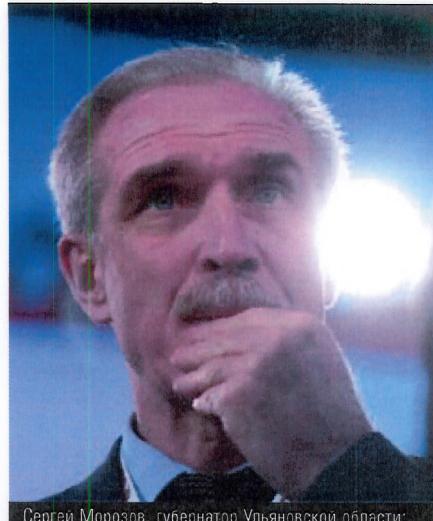
Во-вторых, причины нынешней рецессии были прямо увязаны с доминированием в общественно-политическом пространстве ограниченного числа субъектов, причем таких субъектов, чьи интересы не всегда связаны с устойчивым экономическим ростом. «Существует смычка интересов банковского и сырьевого олигархата, — утверждал Евгений

Тарло, президент фонда «Правовое государство». — Пока они будут определять экономическую политику государства, ничего изменить у нас не удастся. Если малый и средний бизнес составляет не больше 15 процентов (в экономике. — «Эксперт»), политические решения будут определяться теми, кто составляет основное экономическое ядро. Малый и средний бизнес в парламенте представлен слабо. Если что-то нужно проголосовать финансистам, они этого добьются. Если что-то нужно крупной нефтяной компании, они этого добьются. Если что-то нужно машиностроителям, то очень маловероятно, что это пройдет. Для этого нужно решение президента».

Можно не согласиться с тем, что банкиры и представители сырьевого сектора сегодня не заинтересованы в росте, но зерно правды в рассуждениях о группах влияния есть. В росте, скорее, не заинтересованы чиновники ряда ведомств, просто в силу того, что средства, которые пригодны сегодня для организации роста, уменьшают вес чиновничего аппарата в принятии конкретных экономи-

Сергей Глазьев, советник президента РФ: «У нас нет ограничения по сырью и по научно-техническому потенциалу, который сейчас практически не используется»

Сергей Морозов, губернатор Ульяновской области: «Если мы хотим обеспечить экономический рост, нам нужны инновации, технологии, подготовленное предпринимательство и самая широкая международная кооперация»

Михаил Ершов, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов: «У нашей экономики очень мощный запас приема денег на безинфляционной основе»

ческих решений. Правда и то, что представители среднего бизнеса фактически не имеют политического представительства, но в значительной степени это их собственный выбор.

Своим видением поделился и Сергей Глазьев, советник президента РФ: «У нас производство падает на пять процентов, инвестиции — более чем на восемь процентов, зато биржевые спекуляции, валютные спекуляции прежде всего, выросли более чем в два раза за один год. Норма прибыли там 80 процентов, поэтому то, что катастрофа для реального сектора, то манна небесная для финансовых спекулянтов, из которых три четверти, замечу, нерезиденты».

Они устали

В выступлениях промышленников явно чувствовалась усталость от бессистемности любых решений правительства и его неспособности решить застарелые и банальные проблемы. С этой точки зрения весьма насыщенным оказалось выступление Сергея Колосникова, президента корпорации «ТехноНИКОЛЬ», обозначившего барьеры, с которыми сталкиваются представители любой отрасли. Во-первых, это хаос в регулятивном пространстве. «Каждый год правительственные органы рождают 30 тысяч нормативных актов, — сказал Колосников. — Если учесть, что любой документ примерно по пять страниц, то каждый из нас обязан прочитать 150 тысяч страниц каждый год. Мы делаем очень много работы, которая не приносит пользы ни бизнесу, ни потребителю, ни государству».

Не менее серьезный тормоз — недоразвитость инфраструктуры. «У нас очень протяженная китайская граница, но на ней мало дорог, как автомобильных, так и железнодорожных, — заметил

Сергей Колесников. — Развитие инфраструктуры является ключевой проблемой, в первую очередь для развития Дальнего Востока. Заметно, что правительство снимает с себя ответственность за инфраструктуру. С ноября вводятся тарифы за проезд на федеральных дорогах — 3,6 рубля за километр. Примерно на 20 процентов подорожает стоимость перевозки, если учитывать, что стоимость логистики в цене отечественной продукции составляет 9–11 процентов против пяти-шести в Евросоюзе». Не обошлось и без традиционных напоминаний о проблемах налоговой системы. Пример — фантастически большой срок возврата экспортного НДС: до шести месяцев, притом что в Европе на это уходит около месяца.

О налоговых проблемах говорила и Марина Зайкова, член экспертного совета «Деловой России»: «Для вновь открывающихся производств социальные взносы нужно, не лукавя, назвать налогом, раз уж пытаются ввести уголовную ответственность за их неуплату (что, на верное, юридический нонсенс). Нужно признать, что это налог на труд, все издержки по содержанию фондов убрать, администрирование передать в налоговую. И как минимум для новых производств снизить наполовину — до 15 процентов. Это та ставка, которая позволит побороться с сегодняшней ценой кэша. В этом случае сборы социальных взносов возрастут в разы, потому что люди, которые устали искать кэш, платить за него и понимать, что они каждый день делают что-то незаконное, уйдут в белую зону и начнут начислять своим работникам белые заработные платы».

На круглом столе был представлен и взгляд регионов. Губернатор Ульяновской области Сергей Морозов описал три воз-

можных путей развития экономики. Два из них — заливание деньгами и догоняющее развитие — не являются ключом к успеху. Вместо этого в Ульяновской области сосредоточились на развитии технологического предпринимательства. За этим термином скрываются довольно простые вещи: поддержка традиционного производства при параллельном формировании новой индустриально-технологической политики, предполагающей формирование научно-исследовательской базы для трансфера технологий, вовлечение в производственную деятельность небольших семейных компаний, из которых необходимо выращивать серьезных игроков. Подобное развитие должно проходить в условиях международной кооперации. Последний тезис был ответом Морозова на приобретающие религиозный характер лозунги сторонников тотального импортозамещения. «Если кто-то считает, что экономический рост может быть только за счет заградительных санкций, то это путь в никуда», — заявил Сергей Морозов.

Суммируя оценки, высказанные участниками дискуссии, можно заключить, что, по их мнению, именно действия государства (точнее, части правящей элиты, контролирующей процесс принятия решений в рамках ряда ключевых ведомств), а не санкции Запада спровоцировали начало текущего кризиса. Власти преддерживающие, как считают участники дискуссии, придают излишнее значение финансовому сектору экономики, жертвуя во имя интересов последнего нуждами реального производства. В результате финансовая система, в частности банковский сектор, превращается из «кровеносной системы экономики» в паразита, резко ограничивающего потенциал развития промышленности.

Сергей Колесников, президент корпорации «Технопарк». «Каждый год правительственные органы рождают 30 тысяч нормативных актов. То есть каждый из нас обязан прочитать 150 тысяч страниц за год»

Итогом продолжения текущего курса экономической политики эксперты форума видят попадание России в ловушку либо стагфляции, либо так называемого среднего развития.

Аксиомы, которые не работают

Любые рассуждения о необходимости не то что агрессивного монетарного стимулирования, но просто создания комфортных условий для привлечения капитала в экономику наталкиваются на бескомпромиссную позицию Банка России. При этом ни одна из идей регулятора, введенных в ранг аксиомы, не выдерживает испытания действительностью. Так, ключевой тезис о том, что рост денежной массы ведет к разгону инфляции, был оспорен Михаилом Ершовым, главным директором по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, причем с привлечением цифр: «С 2000 года рост цен в России примерно в десять раз отстал от роста количества денег в обращении. Если мы сделаем поправку на нашу немонетарную инфляцию — тарифов, административного регулирования, — отрыв будет в 20 раз. Это значит, что при двухкратном увеличении денег цены должны вырасти на пять процентов. Надо сказать, что эластичность сверхнизкая. У нашей экономики очень мощный запас приема денег на безинфляционной основе по причине, унаследованной из прошлого, когда наша монетизация провалилась и была одной из самых низких в мире. Это как сухая земля: вы льете на нее воду, а она все впитывает и впитывает, и только потом начинают появляться лужицы».

На этот счет у Центробанка есть специальное возражение: российская экономика сейчас перегрета (не в пример

Марина Зайкова, член экспертного совета «Деловой России»: 15 процентов социальных взносов — та ставка, которая позволит побороться с цепью каша»

1990-м и 2000-м годам), мощности в промышленности загружены по полной, безработица стабильно низкая. Разогнать такую машину дополнительным влиятием топлива невозможно. Здесь есть что возразить. «Официальные данные показывают, что у нас промышленность работает всего на 60 процентов своей производственной мощности, — уверен Сергей Глазьев. — Это говорит о том, что можно наращивать денежное предложение без инфляционных последствий. И объем выпуска продукции мог бы сегодня быть почти в полтора раза выше, чем мы имеем. Эксперты Центрального банка считают, что у нас нет резервов по трудовым ресурсам, якобы экономика с точки зрения трудовых ресурсов практически полностью задействовала весь возможный потенциал выпуска. На самом деле это не так. Опросы предприятий показывают, что скрытая безработица с учетом неполного рабочего дня, вынужденных отпусков и прочего составляет порядка 20 процентов, что означает возможность повышения выпуска продукции на эту величину без увеличения количества занятых. Что касается количества, то создание единого таможенного экономического пространства со Средней Азией практически гарантирует нам неограниченный резерв неквалифицированной или среднеквалифицированной рабочей силы, а миллион беженцев с Украины дает нам еще прирост квалифицированных трудовых ресурсов. У нас нет ограничения по сырью, как вы понимаете, нет ограничения по научно-техническому потенциалу, который практически не используется».

Можно оспорить и заявление о недозагруженности производственных мощностей, мол, большая их часть изношена и требует обновления. Но в этом случае

Антон Данилов-Данильян, председатель Федерального совета «Деловой России»: «Фонд развития промышленности — это реальный инструмент, который дает очень существенное плечо для частного бизнеса»

действия Центрального банка кажутся лишенными логики: за счет чего промышленники должны обновлять производственные мощности, если средняя ставка по коммерческому кредиту в два раза превышает рентабельность в обрабатывающей промышленности? У главы Банка России Эльвиры Набиуллиной есть ответ: на форуме «Россия зовет!» главный банкир страны породовалась, что предприятия инвестируют в производство за счет собственных средств. Однако такая структура финансирования экономики вообще никогда не сможет привести к росту: только кредитный рычаг позволяет существенно расширять инвестиции и создавать новый основной капитал. Если делать ставку на собственные средства, то мы должны расти темпом 3–4% в год, что не позволит даже поддержать уже сложившийся и еще держащийся уровень жизни в стране, не говоря о его улучшении. Но правда в том, что сейчас Россия уже давно развивается «на свои»: по данным Росстата, в структуре инвестиций в основной капитал доля заемных средств в России исторически составляет не более 10%, что не удивительно при такой монетарной политике.

И еще одно противоречие: несмотря на уверенность ЦБ в том, что кредитные ставки должны быть стабильно выше инфляции, в России действует Фонд развития промышленности, с помощью которого предприниматели могут получать пятилетние кредиты под 5% годовых.

«Чем хорош фонд? — объяснял на круглом столе Антон Данилов-Данильян. — Пять процентов годовых на пять лет, кредит в пятьсот, а иногда даже семьсот миллионов рублей. При том что собственные средства должны составлять не менее 30 процентов. Приветствуется

также софинансирование со стороны банков, других инвесторов, в частности негосударственных пенсионных фондов и так далее. Это реальный инструмент, который дает очень существенное плечо. Доля фонда во всем объеме одобренных проектов — всего 16 процентов. Все остальное — частные инвестиции. И на 16 миллиардов рублей одобренных проектов только за счет налогов должны будут поступать уже 11 миллиардов ежегодно. Более того, все средства фонда возвратные. Фонд работает в режиме, когда он ничего не просит больше из бюджета: наполнился капитал — дальше все это возвращается».

Где здесь логика? Почему отдельные проекты достойны дешевых и длинных денег, а вся остальная экономика должна жить в условиях денежной засухи? Пока что это риторический вопрос. Объем Фонда развития промышленности составляет в 2015 году всего 20 млрд рублей, масштабы его деятельности, к сожалению, не впечатляют: из 1229 заявок на финансирование одобрена пока только 41 на 16,6 млрд рублей. Возникает ощущение, что существующие механизмы льготного рефинансирования были созданы против желания чиновников и рассматриваются ими как мелкое недоразумение. Аналогичная судьба у института трехлетнего льготного рефинансирования коммерческих банков, идея которого, кстати, возникла в выступлении президента Владимира Путина на прошлогоднем Петербургском международном экономическом форуме — полтора года назад. Вообще, масштаб денежной голодовки, которую монетарные власти устроили в России, поражает. «Благодаря действиям ЕЦБ за два раунда количественного смягчения, всего за несколько месяцев, участники рынка получили свыше триллиона евро, — говорит Михаил Ершов. — Такую сумму российская экономика получила от более чем десятилетнего экспорта сырой нефти».

Экономический модерн 2010-х
Вырисовывается такая картина. С одной стороны — экономический блок правительства, увязший в идеях, от которых откровенно отдает средневековой холостятикой на современный экономический манер. С другой — поборники институциональных и структурных реформ. Первые никак не могут реализоваться, вторые пока что не были расшифрованы. Не удивительно, что на этом фоне любые попытки сформулировать альтернативные программы экономического роста записываются в раздел ретроградства или инакомыслия. Такая судьба с легкой руки многих деловых СМИ постигла недавний доклад Сергея Глазьева, кото-

рый почти не удостоился качественного анализа и был провозглашен одним из самых маргинальных достижений современной экономической мысли.

Но по мере того, как кризисные явления становятся все более болезненными, а на фоне правительственный дискуссий отчетливо проявляется растерянность и беспомощность финансовой и экономической элиты, со стороны бизнеса растет запрос на качественно новую — и с интеллектуальной, и с экономической точки зрения — программу индустриального развития. На минувшей неделе такой документ предоставил Столыпинский клуб, в состав которого помимо Сергея Глазьева входит еще два десятка заслуживающих уважения отечественных экономистов.

Несмотря на то что идеи, изложенные в докладе, далеки от общепринятой повестки дня, его авторы умудряются примирить взгляды большого числа экономических лагерей: от сторонников монетарного стимулирования и новой индустриализации до поборников неоинституционализма. Отдельная часть документа отведена для констатации крайне печального состояния дел в отечественной экономике: государственный и сырьевого сектора вытесняют частный бизнес, теневая экономика растет (ее долю оценивают в 40% ВВП, притом что в Китае, о теневом банкинге которого говорится с завидной регулярностью, этот показатель составляет всего 11,9%), низкая безопасность остается главной проблемой бизнеса в России, коррупционная и административная нагрузка увеличивается. Правда, улучшение делового климата в стране (в рейтинге Doing Business Россия поднялась со 120-го места на 60-е), как полагают авторы, не может быть самоцелью: «Улучшать деловой климат в стране, где отрицательная доходность, это все равно что строить скоростное и безопасное шоссе там, где все пока ездят на верблюдах». Так что основные идеи доклада лежат не в институциональной, а в макроэкономической плоскости.

Особого внимания заслуживает пакет мер по реформированию денежно-кредитной и налоговой политики. Так, Неглинной предлагается обеспечить доступное кредитование (по ставкам не выше 4–5%) инвестиционных проектов. Для этого ЦБ придется сменить мандат: перейти от инфляционного таргетирования к таргетированию роста ВВП. Закон о ЦБ для этого даже не придется менять: руководителю Банка России просто надлежит вспомнить, что поддержка экономического роста записана в приоритетах возглавляемого ею ведомства наряду с поддержанием ста-

бильного уровня цен. Авторы доклада уверены, что «основной путь борьбы с инфляцией — не “иссушение” денежной массы, а экономический рост, снижение издержек, повышение эффективности и масштабов производства за счет внедрения передовых технологий, подъем деловой и инвестиционной активности». Предлагается нарастить монетизацию экономики с нынешних 45% до 80–90% ВВП. В качестве возможного примера рассматривается опережающее денежно-кредитное предложение со стороны ЦБ РФ не менее чем на 1,5 трлн рублей в год в течение пяти лет за счет проведения связанный эмиссии для рефинансирования инвестиционных кредитов под залог проектных облигаций или выкупа проектных облигаций компаний. Критерий связанныности здесь основной. Именно он, как правило, выпадает из рассуждений о том, что рост денежной массы ведет к высокой инфляции. По сути, речь идет о тех же задачах, которые решает Фонд развития промышленности: финансировать конкретные компании под конкретные проекты, минимизируя таким образом возможность попадания денег на валютный рынок и их отток из страны.

Налоговая реформа предполагает в свою очередь «ударный» пакет налоговых льгот в 2016 году. В их числе — налоговый зачет на 25% стоимости купленного оборудования, ускоренная амортизация оборудования, произведенного в России, регressive шкала социальных взносов в зависимости от уровня производительности труда на предприятиях и вывод из под налогообложения всех расходов на НИОКР. В 2017–2019 годах предлагается снизить общий уровень налогов на производство до среднемирового уровня — 41% (сейчас в России 49%). Для этого необходимо снизить страховые платежи, налог на прибыль и НДС, перенеся налоговую нагрузку на потребление и природную ренту. Одно из самых революционных предложений в этом разделе — возврат к единому социальному налогу с последующим его снижением за счет отмены накопительной части пенсии. Одновременно предлагается стимулировать институт частных пенсионных накоплений. Это, конечно, крайне спорное предложение, учитывая хаос, в который пенсионную систему погрузила непоследовательность политики правительства. С другой стороны, оно же самое честное: вместо того чтобы из года в год замораживать взносы на накопительную пенсию, профинансируя саму идею рынка НПФ, чиновникам предлагается предоставить будущим пенсионерам, решившим самостоятельно копить на пенсию, реальные налоговые стимулы.